

НИКОЛАЙ ПОГОДИН

КОНЦЕРТ

Актеры ехали играть концерт.

Они успели привыкнуть к автомобильным путешествиям по неизвестному им Приамурскому пограничному краю и поэтому не очень любопытствовали, куда их повезут на этот раз. Все они были переполнены впечатлениями необычайной своей деятельности на Дальнем Востоке. Сначала каждый тайне приберегал несколько необычайных историй, чтобы рассказать их в кругу московских друзей, но необычайные истории множились, и людям стало трудно отличить, где было «самое интересное».

Почти все они побывали на заставах у пограничников. Там приходилось разглагольствовать, сцены и читать монологи в том особом ощущении границы, когда новому человеку чудится, что вот-вот вынется тревога и что-нибудь случится на этой странной пограничной линии, которая называется государственной границей.

Они разыгрывали спектакли Шекспира и Горького на таких сценах, которые никак не готовились для подобных представлений. Весь состав спектакля стоял «за кулисами» между декорациями и стенами театра оттого, что некуда больше было податься. Актеры с великой радостью выбегали на сцену, чтобы хоть немного посидеть — по ходу действия — и отдохнуть. Им очень не хотелось уходить со сцены и снова стоять между стеной и декорацией. Но их ждали истомленные товарищи, — надо и честь знать и не портить пьесу.

И за невзгоды их вознаграждала аудитория. У актеров есть что-то вроде послонья, что «зрительный зал несет спектакль». Подымает и несет, как талантливейший дирижер может поднять и понести оркестр. Тогда бывают вдохновенные спектакли. Появляется творчество. Его нельзя заранее предвидеть или договориться о нем. Вдруг заурядные, скучливые профессионалы становятся талантливыми. Старый, заграничный спектакль звучит праздником первых представлений.

Уезжая в полночь из какого-нибудь гарнизонного клуба воинской части ОУДВА, актеры неизменно повторяли:

— Мы сегодня играли премьеру.

Автомобили с актерами попали в зону, которую лучше всего будет назвать неизвестной. В таких местах военные люди занимаются своими военными делами. Можно представить себе, что там происходят удивительные вещи, но совать нос туда не следует. Впрочем, туда без законного, а следовательно делового повода вас все равно не пустят.

Актеров пропустили.

Знать их работа имела серьезное значение. Их пропускали были законы, правила, какие даются людям по деловой необходимости. Это вызывало приятные ощущения. В самом деле: граница, закрытая зона, и часовые, сначала недоверчивые и хмурые, а потом радушные и вежливые, вас пропускают вперед. Вы здесь нужные, интересные люди.

— Артисты...

При этом слове лица бойцов проясняются. По привычке к точным знаниям, бойцы и командиры немедленно называют актеров:

— Товарищи артисты.

Надо, конечно, побывать там, где-нибудь в крайней близости с Манчжурией, или, как теперь ее называют, Манчжоу-Го, ибо это понятие существенно разное, чтобы понять, как удивительно благотворно действуют на «штатского» человека простота, вежливость и радушие легендарных дальневосточников. Вам найдется лучшее место для отдыха, для вас повар валяжет отборный кусок мяса, хотя вам этого повара не придется даже увидеть, вам расскажут самые замечательные истории, познакомит с самыми лучшими людьми... А тут, к слову, лучшие люди — это повские лучшие из лучших, без преувеличений. Тут завоевать первенство во всех отношениях — великое дело, хотя бы лишь по-

тому, что этих «всех отношений» очень много и каждое из них само по себе дает честь и доблесть.

Покоряюще действует на «штатского» человека, что люди эти не ставят себя выше его, менее всего интересуются собой или зашифруют свои дела, и больше занимают им, «штатским». Проходит час-другой его пребывания в их среде, и он чувствует такую естественность, что перестает думать о своем «штатском существовании».

И, возвращаясь с концертов, актеры не раз говорили:

— Здесь чувствуешь себя, как в родной семье.

Неизвестная зона, закрытая для посторонних взоров, не опрыскана ожиданий. Те же дороги, какие бывают везде, те же сопки с вечным кустарником могучих коричневых трав. Окутанное спокойствием пустынных краев, все молчит, и — странно! — почему запрещены эти сопки и луга, какую ценность они представляют?

Актеров повели на первый край.

Они не знали, что это такое, и понимали, что особенно узнавать не стоит. Да и что за разницы, первый ли это край или какой-то другой? Вид местности не менялся, и ничего более или менее любопытного не встречалось на пути.

Остановившись, вышли из машины и вдруг почувствовали, что здесь где-то очень близко проходит граница. Может быть, им так показалось или все же они не ошиблись — установить было трудно. Единственное, что поставило их в тупик, было очень странное обстоятельство — в местности, куда они попали, не было жилья. Они переглядывались. Где же устраивать концерт? Дорога тоже кончилась.

Их пригласили пройти в сторону от дороги, и через несколько минут они очутились в небольшом помещении, теплом, светлом и чистом.

Это был потрясающий по силе исполнения концерт. Никто из них никогда в жизни не испытывал такого глубокого волнения, какое охватило всех на этом представлении.

У них было только восемь зрителей. Зрители эти расположились против задней стены, где стояли винтовки, и так образовался театр. Артисты играли рядом со зрителями. Декорацией служило оружие. Исполнителей было двенадцать человек, зрителей — восемь.

Концерт длился два с половиной часа.

Актеры понимали, для кого они играют. Эти восемь бойцов живут на какой-то крайней точке охраны пылого государства. Теперь не было сомнения, что за окнами лежала окраина с ее особенной боевой реальностью. Актеры давали концерт там, где каждую минуту могли раздаться выстрелы.

Восемь пар глаз они видели перед собой. Была удивительная тишина. Куда-то пропали на время профессиональные привычки, как держаться, какой взять тон... Мастерство подчинялось контролю восьми пар глаз, более убедительных, живых и неотразимых, чем волнение, смех и овации громадных аудиторий. Тут нужна была чистая правда. Если бы актеров попросили сейчас же повторить такой же концерт, они бы не сумели этого сделать.

Концерт прошел блестяще. Каждый знал о себе, что на этот раз он отдал все, что мог, и, больше того, играл так, как никогда не представлял себе, что можно играть. На этот раз не спектакль, а концерт, и не зрительный зал, а только восемь человек понесли и подняли артистов до чудесных высот прекрасного.

Так, примерно, описал мне этот славный дебют своих актеров руководитель Центрального театра Красной Армии Ал. Дм. Попов.

Как всегда, с большой искренностью бойцы поблагодарили гостей и проводили их до дороги. Надо было уезжать из неизвестной зоны.